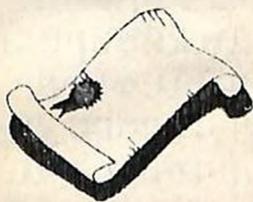

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԶԳԱՅԻՆ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ԱՐԵՎԵԼԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ս. Մ. ՄՐԱԴՅԱՆ

ИДЕЯ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ
ТОЛЕРАНТНОСТИ
И МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО
СОГЛАСИЯ В АРМЯНСКОЙ
КНИЖНОСТИ XII-XIII ВЕКОВ

ԵՐԵՎԱՆ 1997

Посвящаю памяти брата и ученика моего - доктора
филологии, арменоведа-византиниста

КИМА МАМБРЕЕВИЧА МУРАДЯНА

016

I332I

~~М-91~~

Мурадян П.М.

Идея конфес. толер.

им. международного сог.

в арм. книж. 12-13 в.ков.

016
M-91

ИДЕЯ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ В АРМЯНСКОЙ КНИЖНОСТИ XII-XIII ВЕКОВ

13321

Три десятка лет назад ныне покойный арменовед Акоп Анасян в одной из рукописей Матенадарана (№ 8356, переписанной в 1322г. с автографного экземпляра в пустыне Камрик в Киликии) обнаружил, издал, а затем и переиздал ("Базмавэл", 1968, № 7-12, "Эчмиадзин", 1969, № 7-8, "Малые труды", 1987) послание Вардана Айгекци "Назидание злословящим крикунам", представляющее несомненный интерес для истории армянской средневековой литературы. Авторская характеристика "злословящие крикуны" относится к тем армянам, сирийцам и грекам из кантона Длук, кто "ради исполнения сатанинской воли" предаются безумию этнической и конфессиональной вражды, "Ибо армянин говорит: я добрый и избранный христианин, и бессмысленно хулит ромеев и сирийцев. А ромей говорит, что я народ первый святой и сведущий, и праведной веры, а армяне и сирийцы не [придерживаются] христианским обычаям и не имеют доли перед Богом, и так хулят и бранятся. А сириец говорит с тайным коварством и лицемерием: я избранный христианин и [лишь] моя вера непорочна и порядки святы, а армянин и ромей исполнены злой схизмы, чужды Богу и не знают Иисуса Христа, и унаследуют ад". И пока каждый превозносит свою веру и порядки, "приходит халиф из Вавилона и судья из Халапа и порицают вас... и говорят, что все вы - христиане - чужды Богу и не познаете его".

Вардан Айгекци, упрекая, назидает и, осуждая, увещевает, что все вы - армяне, сирийцы, греки "призваны одним Христом и крещены в одной купели, просвещены одним Отцом и одним Святым духом, и, однако, попрекаете и хулите друг друга..." "Отчего не взглянете на дом мусульманский, на то, на сколько народов разделены они по языкам, но пребывают в мире и любви друг к другу в одном законе и порядке, который установил и назначил им предводитель их Магомед".

В основе суждений Вардана Айгекци лежит трезвое

ощущение времени, а не традиционное стремление к размежеванию: "О, глупцы и безумцы, не знаете, что не время сейчас испытывать веру или подтверждать... Какова она сегодня, то мы и имеем". Следовательно, излишни споры о том, кто раньше "познал Христа", и кто непорочен в вере и порядке: "Итак, молю вас, дети мои, всякий народ в литургии, праздниках, постах, крещении держитесь пределов и обычаев, порядков своей церкви и живите в любви друг к другу, дабы Христос почил в вас... и о порядках церковных не рассуждайте, не вступайте в споры и не волнуйтесь". Смутьяны же - армяне ли, греки или сирийцы - по убеждению Айгекци, глаголят устами сатаны, "ради Бога, - продолжает он, - молю вас, прекратите ропот и злословие", тем более, что "сатана не оставил беспорочными и нетронутыми ни церковь, ни народ, ни человека, а отравляя ядом, осквернил все народы и церкви", "и если и есть что-либо плохое в церквах христианских, то не им в грех это вменяется, ибо люди малоумны, а сатана лжив и коварен..."

Все вышесказанное можно считать на редкость четким и убедительным примером средневекового проявления идеи межэтнической толерантности и результатом развития идей и взглядов деятелей предыдущего поколения Киликийской Армении - Нерсэса Шнорали, Нерсэса Ламбронаци, Григора Тха (Отрока). Речь идет не столько о новозаветном изречении: "Все вы сыны Божии по вере во Христа Иисуса... Нет уже Иудея, ни язычника" (Галат. 3, 26-28), сколько об идейной позиции деятеля, живущего в полиэтнической и поликонфессиональной исторической среде.

Мы, пожалуй, затрудняемся назвать в современных Вардану Айгекци литературах Христианского Востока высказанные с такой определенностью призывы и побуждения к согласию. Публикацией данного послания и выявлением "Книги убеждений и корня веры" **того же автора А. Анасян, по существу, открывает после Н. Марра** новый этап в изучении наследия Вардана Айгекци.

А. Анасян, однако, не задается целью выяснить, уникально ли послание Айгекци, написанное между 1210 и 1215 годами, или аналогичные вопросы и взгляды высказывались еще кем-либо в армянской литературе, имеет ли Айгекци предшественников и последователей Правда, в одной опубликованной позже заметке ("Навасард", 1983, март) он упомянул Нерсэса Шнорали в качестве идейного предшественника Айгекци, но это было сделано вскользь. Поэтому нам представляется необходимым выяснить - является ли послание Айгекци частным случаем, обусловленным

конфессиональной обстановкой, сложившейся между различными этническими общинами в области Длук (Сирия), или это новая концепция, усвоенная армянским ученым миром в целом. Оправдан ли выдвинутый в начале века Н.Адонцем тезис, согласно которому армянская догматическая литература XII-XIII веков своим богатством отчасти обязана партийным распрям и столкновениям, происходившим между двумя центрами - Киликией и севером Армении. По оценке Н.Адонца идея церковной унии находила отклик у представителей церкви, воспитывавшихся в новых - Киликийских пределах, насыщенных западным духом, тогда как ученые Северных краев заняли в вопросах вероучения крайнюю позицию, противопоставляя либерализму киликийцев преданность Санаинской школы заветам прошлого (Брокгауз-Эфрон, НЭС, т.III, с.652-653).

Итак, киликийскому крылу армянских литераторов Н.Адонцем, а также Л.Меликсет-Бёком, И.Абуладзе и другими противопоставляется *консервативное крыло* "армянских ученых Северных краев", которое представляли Григор Тугеорди, Давид Кобайреци, Мхитар Гош и т.д. Новонайденное послание Айгекци полностью попадает под характеристику "либерального", значительно расширяя положительный смысл этого термина, однако, как мы увидим ниже, несколько не подчеркивая "консерватизма" другого крыла.

Обстоятельства сложились так, что в период Халкидонского вселенского собора в 451г. Армения была вовлечена в войну с зороастрийским Ираном и лишена возможности участия в его работе. Позже, на местных Двинских соборах 506 и 554 годов, догматы Халкидона были идентифицированы армянским духовенством с толкованиями Нестра и отвергнуты. Возможно, подобная *периспопедческая позиция, разделяемая в тот период также Грузинской и Албанской церквями*, отчасти была обусловлена функционированием Хенотикона Зенона (ср. Е.Г.Тер-Минасян, Историко-филологические исследования, Ер., 1971, стр.31-44, 88-118). Однако, этот период согласия оказался кратковременным, и к концу VI века Грузинская церковь фактически признала постановления Халкидона, а в самой отошедшей к Византии части Армении стараниями Маврикия был основан Аванский халкидонский католикосат.

VII век характеризуется внутриармянской борьбой между

приверженцами двух основных толков - халкидонитов и антихалкидонитов. Официально этому противоборству был поставлен конец на созванном в 726г. в Манцикерте соборе Армянской церкви с участием сирийцев-монофистов. С этого периода можно говорить уже о существовании реальной **национальной** церкви в Армении с ее собственными догматами, сводимым по сути дела к постановлениям трех первых Вселенских соборов.

Считая халкидонский догмат о двух естествах Христа отходом от православия, Армянская церковь традиционно именуется себя "уггапар" (ортодоксальной) и возводит свое начало к эпохе апостолов (почему и в новое время она стала называться Апостольской).

Говоря об особенностях функционирования Армянской церкви, следует обратить внимание на нижеприводимые обстоятельства:

1. География страны определила место армян на перекрестке столкновений политических, хозяйственных и культурных интересов двух противоборствующих держав - Ирана и Византии. Конфессиональная ориентация страны если способствовала сношениям с одной, то столь же несомненно усугубляла вражду с другой.

2. Начиная с третьей декады Vв. в длительные периоды отсутствия государственности Армянская церковь функционировала как единственный общенациональный институт, регулирующий, кроме духовной жизни Армении, все ее сношения с внешним миром. Этот факт, как и следовало полагать, создал особую юрисдикцию церковной организации, вызывая специфическую реакцию как внутри страны, так и за ее пределами.

3. Т.н. национализация церкви существенно повлияла и на ее епархиальный строй. Включение в состав Византии и Ирана провинции Армении, а также армянские поселения в других сопредельных и отдаленных странах, если они придерживались монофиситства и считали себя паствой Григория Просветителя, подчинялись юрисдикции католикосата, где бы он ни резидировал. Это значит, что противостояние не определялось политико-административными границами Армении, способствуя активизации обратной, т.е. анимофиситской (=антиармянской) реакции в церковных и государственных кругах соответствующих стран. Нередко это приводило к открытым вероисповедческим гонениям и вынужденной миграции армянских духовнослужителей. Так было, в частности, в Византийской империи в X (при императоре Романе /

919-944/) и XII веках (1186г.), о чем рассказывают историографы Асолик, Михаил Сириец, Вардан Великий и др., об этом же свидетельствует надпись из Ахпата (см. С.Г.Бархударян, Нововыявленная надпись из Ахпатского монастыря, "Эчмиадзин", 1967, №6, стр.56-61). В одном случае в Армении нашли пристанище 40, в другом - 1600 духовнослужителей. В силу такого положения вещей вопрос конфессиональной ориентации Армянской церкви приобретал четко выраженную политико-культурную окраску и занимал не только духовнослужителей. В самом деле, армянский этнический элемент, играющий заметную роль в жизни Византийского общества, не консолидировался с ним организационно и конфессионально, что беспокоило в Константинополе не только патриархов. И поскольку гонения и насилие не приводили к желательным результатам, обсуждение вопроса было перенесено в плоскость мирных переговоров в надежде убедить партнера в принятии догмата ортодоксии. Так было, в частности, при армянском католикосе Иоанне Габеленаци в 570-х годах, когда был созван собор в Константинополе (о нем повествуют Иоанн Эфесский и Narratio...), тоже имело место в патриаршество Фотия. "Книга посланий" сохранила письмо Константинопольского патриарха на имя князя-князей Ашота Багратуни (изд. 1994г., стр.515-523) с предложением обсудить вопрос церковной унии. Более обстоятельно об этом же говорится в послании, адресованном католикосу Захарии (855-877). В колофоне, оставленном переводчиком послания на армянский язык, читаем: "В 311г. (=862) армянского летосчисления отправил Фотий, патриарх Константинопольский, архиепископа Никейского Ваана в Армению к католикосу армян Захарии для вероисповедной унии" (изд. см. "Андэс Амсореа", 1968, стр.65-100, 129-156). Из этих посланий видно, что в обсуждении вопроса немалую заинтересованность проявляла и армянская сторона, и это вполне понятно как по конфессиональным, так и политико-культурным соображениям.

Кстати, претензии патриархов Константинопольских сводились не только к проблемам догматического порядка, но и затрагивали вопрос юрисдикции. Согласно 28-му канону Халкидонского собора патриарх Нового Рима должен был считаться патриархом всех христиан Востока, с чем никак не соглашались антихалкидонски настроенные персы-христиане, сирийцы-яковиты, армяне-монофоситы. Отзвуки этих канонизированных притязаний Византийской церкви достаточно отчетливо слышны в ответном

послании самого Фотия Ашоту Багратуни, сохранившемся в греческом оригинале (Migne, P. G. t. CV, col.588-605).

Таким образом, дискутировались вопросы и догматические, и иерархические, но существенно то, что и те и другие не отрицали злободневности церковной унии особенно в период военных успехов Халифата и перед лицом распространения конкурирующей религии - ислама. Фактически проявлением такого рода озабоченности можно считать созванный в 862 году в Ширакаване (Еразгаворсе) церковный собор армян при участии представителя Фотия - архиепископа Ваана. В продолжении колофана, оставленном переводчиком письма Фотия, читаем: "Католикос Великой Армении Захария в Ширакаване созвал на собор множество епископов и иереев пред спарпетом армян Ашотом, ибо он там стоял лагерем со своим волонтарным войском, что было собрано из-за восстания северных краев. Там находился и сириец Нана (Нонна), великий дьякон и философ знаменитый. На этом соборе огласил сие слово архиепископ Никии Ваан" ("Андэс Амсорса", стр. 158-159).

Сам факт созыва собора с участием представителя патриарха и обсуждением содержащихся в его послании положений относительно вероучения уже является проявлением склонности к диалогу, предрасположением к конфессиональной толерантности. И действительно, в 15 пунктах принятого к концу собора постановления содержатся четко выраженные уступки с обеих сторон. Но главное - нет взаимных обвинений, категоричности опровержений, более того, в 13 и 14-ом пунктах открыто заявлено, что толкование догмата Халкидонского и последующих соборов является делом совести и убеждений самого верующего. Проклятию предаются и те, кто становятся халкидогитами из корыстных соображений, и те, кто принимая соответствие установок Халкидона апостольским и пророческим преданиям, вместе с Нестором проклинает или злословит их (более обстоятельно см. П.Ананян, Переписка арм. католикоса Захарии и князя-князей Ашота с патриархом Фотием и папой Николаем I-м, Венеция, 1992, стр.41-56).

Таким образом, армянская церковь выработала идеологию сосуществования как организационно, так и конфессионально, хотя когда век спустя католикос Ваан проявил склонность и к обрядовой халкидонизации (применение икон при богослужении), Анийский собор 966г. лишил его сана главы церкви. И все таки, веротерпимость и свобода убеждений, канонизированные собором в Ширакаване, становились вероисповедческой нормой, находя поддержку и

отражение в литературе. В этом можно убедиться вникнув в суть речей самого Захарии Дзагеци (изд. П.Ананяна, Венеция, 1995), а также крупнейшего мистика X века Григория Нарекаци. Известно, что отец Григория Хосров Андзеваци, ближайший соратник католикоса Анании Моксици, из-за халкедонитских убеждений был отрешен от церкви (см. "Арарат", 1897, стр.276), но его сын продолжает восхвалять Византийскую империю и благожелательность императоров Василия и Константина (см. его "Славословие Апаранскому кресту", "Свод сочин.", стр.372-375), что, по словам В.Ацуни, никак не согласуется с позицией противника греков-халкидонитов ("Базмавэп", 1928, стр.4). В духе постановлений Ширакаванского собора и даже смещенного католикоса Ваана оценивает Нерсэс Лабронаци не только царей армянских и архимандритов, но и самого Григория Нарекаци, "наделенного божьей благодатью, величайшего подобного ангелу во плоти" ("Послание...", стр. 158).

Универсальность позиции армянских духовнослужителей и властвующих мужей можно проследить и по фактам их сношений с остальным христианским миром. Папа Николай считает нужным поделиться с тем же Ашотом Багратуни своими соображениями и оценкой того, что происходит в патриархате Константинополя, говоря в частности о мотивах отстранения патриарха Игнатия и о деяниях Фотия (см. П.Ананян, ук. соч., стр.87-93). Примечателен пассаж, в котором папа упрекает армянского князя в невмешательстве в конфессиональную ориентацию покоренных им "варварских народов" и краев. А это значит, что князь практически придерживался курса собора, созванного в Ширакаване.

Полны политико-культурного резона попытки армянских и грузинских духовных деятелей и царствующих особ урегулирования вероисповедных разногласий между этими двумя этническими мирами. К этому были приурочены дискуссии в Гритале при Баграте IV-м (1047), направленные на конфессиональное единение армян и грузин, немаловажные инициативы царя Давида Строителя (1089-1125гг.), создавшего представительный собор и успокоившего "ясной и мирной речью" ("Картлис Цховреба", изд. И.Абуладзе. Тб., 1953, стр. 254-255). В интерполяции средневекового армянского переводчика памятника подчеркивается любовь грузинского царя к народу армянскому и к его церкви, уделяется особое место духовнику Иоанну Ахпатечи (Саркавагу), "пред которым он исповедовал свои грехи". Диалог с грузинским духовенством продолжался и в дальнейшем

(соборы в Лорэ и Ани в начале XIIIв.).

Таким образом, и армянская церковь, и армянские книжники нашли в себе силы не изолироваться от остального христианского мира, не замкнуться в рамках феодального партикуляризма и, сохраняя свою т.н. национальную кофессию, выработать теорию межэтнической и межконфессиональной толерантности.

* * *

Непосредственный идейный и хронологический предшественник Вардана Айгекци - Нерсэс Ламбронаци, трактат которого "Послание укрепленному Христом властителю нашему, самодержцу Леону от убогого Нерсэса, священнослужителя святой церкви в Тарсоне", написанное в 1194-1195гг. (см. "Синодальное слово, послания и речи Нерсэса Ламбронаци - епископа Тарсонского", Венеция, 1838, с.203-204) посвящен изложению межцерковных, догматических и обрядовых вопросов. В частности, рассматривая возможность контакта с греческой, латинской, сирийской церквями он, не колеблясь, объявляет: "Второе мое отступление заключается в том, что я общаюсь со всеми христианами. Да будет известно сведущим критикам, что христианские народы кое в чем различаются между собой. Но милость Божья укрепила меня сознательно пренебречь их суетным обычаем и предпочесть любовь, и армянин для меня таков же, как и латинянин, и лагинянин, как эллин, эллин, как египтянин, и египтянин, как сириец. Следовательно, если бы я был поборником одного народа, разве общался бы я с остальными! Но я смешиваюсь с теми, кто враждебен друг к другу, я совершенно не боюсь [этого] как апостол Христов, и знаю слово, которое могу сказать каждому, кто спросит, ибо я поступаю по справедливости и любовью Христовой расторгну все препоны, чем и благопрославлю церкви и латинян, и эллинов, и сирийцев или в Армении, и в этом я незыблем, и их устои неизменны" (ук. соч., с.215-216).

Ламбронаци по-существу отвергает этническую и догматическую замкнутость и партикуляризм, называет "суетными обычаями" конфессиональные и ритуальные различия, разделяющие христиан, и "сознательно пренебрегает" ими.

Важно подчеркнуть, что наш автор не чувствует себя одиноким, упоминая единомышленников, действующих в различных провинциях и епархиях Армении, из чего следует, что либеральные идеи не замыкались в границах Киликийской Армении. Вновь

обратимся к Ламбронаци: "...Итак, если ты по своему благочестию удостоил их (т.е. противников межэтнического общения - П.М.) ответа, то я - по знанию своему - нет, [ибо] научены мы не отвечать нечестивцам, и что низки те, кто осмеливается на это по отношению к святым отцам, что являются поборниками нашей истины в самой нашей стране и у Святой горы, пастыри праведные, что [пребывают] там, и во всех провинциях Васпуракана, и в знаменитой пустыне Вараг, что находится там, и блаженные мужи Степанос Тирацу, учитель наш, Георг Отшельник и Степанос наш соученик, и отшельники Христосатур и Тимофей, что видели нас и приняли нашу истину и благославляют [нас] за то, что могли присоединиться. Вся область Таронская и [пребывающий] в ней мудрый епископ Есаи и учитель Теодорос одбряют наше преобразование и благославляют приобщившихся. Область Екеляц и Гора святого Григора, [находящиеся там] отцы и епископы, которые в своих сочинениях одобряют наши истины, стенают о нищете [верующих] и о насилиях беззаконников по окончании этого; князья Хачена и [пребывающие] там монахи, которые ученика нашего Овсэпа и назначенного нами наставника почитают как ангелов и даруют им Албанское католикоство..." (с.224-225).

География Армении представлена здесь довольно широко - Васпуракан, Тарон, Екелик, Хачен. Следовательно, разделение деятелей на "либералов" и "консерваторов" по географическому принципу не оправдано.

Сказанное лучше всего подтверждает творчество одного из крупнейших книжников Восточной Армении XII-XIII вв. Мхитара Гоша.

Перечисляя его литературное наследие, Киракос Гандзакеци упоминает и "Книгу, возвещающую православную веру против всех схизматиков, [написанную] по просьбе великого полководца Закарэ и брата его". Существовало мнение, что произведение Гоша не сохранилось (Л.Меликсет-Бек), между тем это ни что иное, как напечатанное в 1900-1901 гг. в "Арапате" на основе трех рукописей "Послание архимандрита Мхитара, что звался Гош", пространное сочинение, адресованное братьям и через них грузинскому двору и католикоосу (критическое издание осуществлено нами, см. "Гандзасар", VI, стр.336-402). Трактат не датирован, однако нет сомнения, что это время между соборами Лорийским (1204-1205 гг.), на котором Гош присутствовал, и Анийским (1207 г.), созванном в канун праздника Рождества, в котором Гош также принимал участие. Тамара и Давид Сослан - "Цари наши победители" - упоминаются в нем как

здравствующие современники, на основе чего можно с уверенностью сказать, что послание написано в 1206 году. Поводом для обращения явился конкретный факт: “Видя и слыша в дни наши, как грузины злословят догмы нашей веры и церковные порядки, души наши были весьма уязвлены и особенно тем, – говорит он, обращаясь к братьям Долгоруким (Мхаргрдзели), – что показались мне слова, сказанные ими, приемлимыми для вас”. В предисловии, адресованном грузинскому католикосу и духовенству, сказано: “Написали [мы] послание, не противопоставляясь и не порицая какой-либо из народов, а показали как в суде достоинство и право и выявили трудный путь к возможному в сие время единению, высказали мы и истинное отношение к своему народу и не утаили порицаемых черт нашего народа, поставив во главу все хорошее и доброе”.

Итак, послание преследует следующие цели:

1. Представить армянское исповедание веры и церковный порядок, объяснить отличающие армянскую церковь особенности.

2. Греки и грузины так же, как и армяне не схизматики, потому требование друг от друга повторного крещения есть “непочитание Христа”.

3. Было бы хорошо, если бы все народы обратились к единой конфессии, однако ныне достичь подобного единства невозможно.

4. Как же быть в данной ситуации “В то же время показываем мы и то, как быть теперь народам, и если это покажется вам (т.е. князьям Иванэ и Закарэ - П.М.) приемлемым, прочтите [им] в переводе” (т.е. по грузински - П.М.).

Исследование этого произведения Мхитара Гоша велось до сих пор в русле преимущественно выявления источников. Л.М.Меликсет-Бек установил, что, рассказывая о Двинском соборе, Гош пользуется произведением Иоанна Одэнеци “О соборах, что происходили в Армении”, сократив его, а повествуя об истории армяно-грузинского церковного разрыва - произведением Анании Санахнеци “Об отделении грузин” (сократив и почти дословно цитируя). В одной из своих статей (1938г.) И.В.Абуладзе решительно доказал, что послание Гоша - ответ на одно из восьми антимонофиситских положений “Догматикона” Арсена Вачес-дзе, а именно на “Тридцать глав армянской схизмы”. Он выяснил также, что данное антимонофиситское произведение, переведенное на армянский в среде армян-халкидонитов и дополненное толкованиями и вставками переводчика, под заглавием “Ответ армянам” было издано в выходившем в Константинополе еженедельнике “Луис” в 1905-

1906 годах. В последствии З.Алексидзе опубликовал грузинский текст "Тридцати глав армянской схизмы" и соответствующие отрывки из приписываемого Иоанну Дамаскину произведения "Ответ армянам" ("Мравалтави", I, стр. 133-158). Наконец, в 1976г. Ж.Гаррит установил, что источником упомянутого антимонофизитского отрывка "Догматикона" Арсена Вачес-дзе является греческое сочинение, помещенное в PG. Миня (том 132, столбец 1121-1137. см. "Андэс Амсореа", 1976, стр.111-116).

Все вышесказанное, безусловно, важно и интересно, однако не выделено самое существенное - что же отличает послание Мхитара Гоша от литературных произведений, которыми он пользуется или в ответ на которое оно написано

1. Многие армянские авторы, предшественники Мхитара Гоша, старались, как правило, доказать ортодоксальность догм и порядков армянской церкви, Гош также защищает идею православия национальной церкви, однако диофизитов схизматиками не считает: "Не видим мы между пятью народами (т.е. греками, ромеями, армянами, сирийцами, грузинами - П.М.) стольких причин, из-за чего сделал бы Бог неприемлемой веру или праздник [чей-либо], и признает Он достоинство каждого", а следовательно "если пять названных народов могут и не достичь согласия, но могут и не быть враждебны друг другу и с почтением принимать крест и церковь один другого", потому что "армяне и грузины, сирийцы и ромеи исповедуют истинную Троицу и Бога Христа, истинного Сына Божьего, как и Богородицу Марию, хотя относительно воплощения расходятся, если это не относится к несторианскому мировоззрению, и крест есть Божий, и он у армян более истинный. А кое-какие небольшие расхождения о праздниках или постах, или пище не есть расхождение в вере". Гош, широко мыслящий деятель, замечает: "Ведь мир в целом населен не только армянами, не только грузинами или ромеями. Христос не ревнив, он приемлет каждый народ, ибо уподобил он царство небесное неводу, куда попадает всякий род рыбы. Разве простит Бог тех христиан, которые считают приверженцев ислама и иудеев лучшими, чем армяне Те, кто так говорят, не будут иметь прощения ни здесь, ни в будущем, если не покаются; армянин ли скажет так о грузине или грузин об армянине, или иной христианский народ о христианском народе, ибо все христиане братья".

Чтобы представить, какое расстояние лежит между убеждениями армянских книжников Нерсэса Ламбронаци, Вардана

Айгекци, Мхитар Гоша и их греческими оппонентами в вопросах конфессиональной принадлежности, достаточно вспомнить хотя бы тот факт, что отдельные пассажи греко-грузинского оригинала рассматриваемого памятника, содержащие не только конфессиональные, но и фактически этнические характеристики, показались и в самом деле оскорбительными средневековому переводчику армянину-диофизиту - "армянину-ромео" или "грузину" в лексиконе их соотечественников, и он их опустил.

Конфессиональной толерантностью не отличались и другие современники вышеназванных армянских деятелей из мира греческой образованности. Так, к примеру, архиепископ Константин Кавасила счел нужным спросить у епископа Иоанна "имеют ли армяне право строить церкви в городах [Византии], где они проживают" и в ответ получил следующее определение: "С давних пор разрешается проживание иноязычных и *иноверных* народов, как *евреев, армян, исмаильтян, аварян* и им подобных, в регионах и городах христиан, но не смешанно с *христианами*, а отдельно от них. С этой целью каждому из них предоставляется территория или в черте города, или же вне ее с тем, чтобы они были *обособлены* и не выходили за пределы места их обитания... Поэтому и армяне, где бы они не проживали, имеют право и беспрепятственно строить церкви и исповедовать *свою веру*" (из перевода Р.Бартияна мы исключили дополненные им слова, курсив наш - П.М.). Иоанн, должно быть, знал, что в этнической номенклатуре Империи армян, в отличие от остальных соседей, "варварами" не именовали, и все таки конфессионально он их определил в разряд "иноверных народов".

2. Рассуждающие о догмах предшественники Гоша, как в армянской, так в особенности в греко-грузинской среде, ставили обычно знак равенства между понятиями этнос и конфессия. Не случайно в греческих и грузинских источниках вместо понятия "армяне", "армянский" иной раз употребляется иносказательный термин "хачецары". Мхитар Гош определенно отличает этническую принадлежность от конфессиональной. Он пытается доказать, что монофизитство кроме армян исповедуют и другие народы в Азии и Африке, что "пребывают твердо в одной с нами вере, не принявшие Халкидонский собор", "и они [пребывая в той же, что и армяне] твердой вере, не приходят к согласию с греками и грузинами". Гош констатирует и противоположную ситуацию, когда в армянской среде живут армяноязычные общины, имеющие иную, не армянскую этническую принадлежность, каковыми являются, по мнению Гоша,

“манихеи”. (под этим термином Гош, очевидно, подразумевает павликиан). Обращаясь к грузинскому духовенству, он призывает: “Не внимайте, возлюбленные Богом, врагам нашим, ибо нет среди армян схизмы, и [если] есть небольшие отступления, то таковые имеются и у всех иных народов, и это вовсе не армянская схизма”.

Оговоримся еще раз - характеристики Гоша основаны на этнических и этнографических свойствах, а не на догматических особенностях. “Нет народа, - говорит он, - который не имеет обычаев и хороших, и неугодных”, “Греки мудры и милосердны, наставлены Иоанном Златоустом, ромеи усердны в молитвах и послушны предводителям, сирийцы смиренны и аскетичны, армяне блюдут посты и милосердны к пленным и священнослужителям, почитающие святых, грузины почитают святых и обители, и не злословят предводителей”, но, вместе с тем, “Армяне непокорны предводителям, однако у армянских монахов больше благочестия и литургия достойнее, чем у других народов”. Мхитар Гош считается с реалиями даже не каноническими, но ставшими национальными обычаями. “Грузины весьма почитают крестных отцов, [это] похвально, хотя и не канонично, но зачем же злословить армян за то, что они делают родственников крестными отцами”. На его взгляд различия объективно существуют. “Греки и грузины более почитают иконы, армяне - крест”. Но “армяне надругались над крестом, унижая его тем, что водружают во всяком месте”, также “как греки и грузины иконы, ибо, что нам известно, то мы приемлем и почитаем, ибо это вроде напоминания жития святых, однако, поскольку невежественные люди считают их [достойными] поколения, оттого армяне этого делать не спешат, но сведущие того, что сделано, не бесчестят”.

3. Автор сочинения, с которым полемизирует Мхитар Гош, не задумывается ни о перспективах межэтнических отношений, ни об идеях межнациональной толерантности и догматической терпимости, между тем, как Гош задается вопросом “что ныне приемлемо для народов”. По его убеждению, грузинские цари являются “ревнителями мира и любви друг к другу между верующими”, “и хотя Тамара и Давид не обличены правом созвать вселенский собор всех народов..., но могут искоренить враждебность между армянами и грузинами, чтобы не хулили Христа, ибо это и есть ненависть к Христу, чтобы не хулили и не поносили крест, наставления и церковь один другого”. “И вы обличены правом, - обращается он к братьям Иванэ и Закарэ, - погасить войну и поношения мудростью и убедить словом, хотя созыв собора и единение нам показались

невозможными. Ибо вы волей Божьей князя Армении и Грузии, и если пожелаете, известите ваших боголюбивых владык, дабы своей властью усмирили [их]". Он обращается с аналогичным посланием к грузинскому духовенству: "Итак, да не будет так, чтобы вы стали причиной соблазна для других, скорее стать инициатором созидания и мира". Люди нуждаются друг в друге и потому нельзя разделять их ненавистью: "Да узрите прежде всего волю Божью в том, что он любит согласную жизнь людей, стремление к которой побуждает нас нуждаться друг в друге, ради чего и возродились города и другие обиталища. Воля дьявола противоположна сему - разделить людей ненавистью, ибо с той же легкостью дьявол творит зло, с какой любовью [творит] добро Бог". Устоявшиеся обычаи и развивающиеся традиции "мешают придти к общему единству", но в то же время "полагаем благом не враждовать друг с другом и не поносить крест и церковь" ибо в том и заключается скверна высокомерия, что "грек считает правым себя, а ромей - себя, и так каждый народ". Разумной же является терпимость друг к другу, "и было бы хорошо избрать се дабы искоренить враждебность из своей среды, и быть друзьями и не хулить порядков один другого". Единственный выход видит Гош в мирном автокефальном сосуществовании: "Итак, не видим мы иного способа преодолеть это противоборство, кроме как [проявить] симпатию друг к другу, и каждому народу придерживаться своего порядка..."

Вышеизложенный анализ приводит нас к нескольким принципиальным выводам:

1. Вардан Айгекци не единственный, творивший в Армении в XII-XIII веках писатель, пришедший к идее конфессиональной толерантности и межэтнического согласия. Яркими апологетами этой идеи были его предшественник Нерсэс Ламбронаци и современник Мхитар Гош.

2. Сформировавшаяся одновременно в двух полярных точках армянского этнического мира - Киликии и Северной Армении - идея толерантности и согласия была достижением, к которому вел весь предыдущий период этнического, политического и культурного развития армян.

3. Следует пересмотреть существующее разделение армянской литературы (и авторов) на два противоборствующих крыла, характеризующихся как либеральное и консервативное. Взаимные упреки, содержащиеся в посланиях Киликийских архимандритов и деятелей Северных краев Армении, не могут быть основанием для

подобного обобщения. Ощущение культурной целостности является одной из важных частей средневекового самосознания.

4. Соотнося культуру армянского средневековья с культурами других народов, нельзя игнорировать действенность фактора местных традиций; стремление обеспечить свое бытие и мирно сосуществовать - эта мечта постоянно сопровождала пребывавший в бесконечной борьбе армянский народ. Строитель Аштаракской церкви Кармравор начертал в VII веке: "Построили... во имя мира на всем свете и благополучия Аштарака, и плодоношения пределов твоих". И надписи подобного содержания высекались неоднократно (Мармашен).

5. Обращаясь к литературному наследию Мхитара Гоша, в частности, оценивая многие положения его "Судебника" как гуманистические, не следует упускать из виду и весьма интересные положения произведения, известного под заглавием "Писание".

6. Идея вероисповедной толерантности и межэтнического согласия - новое достижение кавказского культурного мира. В творениях Руставели, Хагани и Низами она нашла художественное воплощение в образах героев поэм, у Мхитара Гоша - свое жизненное обоснование.

13321

Մեկենասության
Արմեն և Բերսաբե Ճերեճեան Հիմնադրամի
ԱՄՆ

This Publication was made possible by
Armen and Bersabe Jerejian Foundation Inc.
USA

016
+М-91

h₂

П. М. МУРАДЯН - доктор исторических наук,
профессор, лауреат премии Месропа Маштоца, главный
специалист Института Востоковедения НАН РА.

Медиевист-источниковед, историк культуры
(Армения, Грузия, кавказская Албания, Византия, Иран).